

Ася АКСЁНОВА

В ТУННЕЛЬ РАССТАВАНИЙ

Михаил Фельдман. Ещё одно имя Богу: стихотворения / Сост. Б. Кутенков, Н. Милешкин, Е. Семёнова. Предисл. Е. Абдуллаева. Послесл. Д. Давыдова – М.: ЛитГОСТ, 2020. – 100 с. – (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

Михаил Артемович Фельдман, чья книга стала второй в книжной серии «Поэты Литературных чтений «Они ушли. Они остались», погиб в 36 лет в железнодорожной катастрофе под станцией Бологое 16 августа 1988 года.

Ольга Аникина, написавшая подробную статью про Михаила Фельдмана для антологии «Уйти. Остаться. Жить» (том II), отметила очень странную вещь: про этого автора невозможно было найти информации, как будто он погиб не в восьмидесятые годы двадцатого века, а лет триста назад. Не нашлось ни знакомых, ни воспоминаний о нем, ни друзей, ни возлюбленных, словно существовали только тексты, а человека не было. Это очень странно и очень символично именно для этого поэта. (Относительно недавно, уже после выхода в свет антологии, удалось выйти на брата Михаила Фельдмана, проживающего в Израиле, хотя образ поэта все равно остается расплывчатым и бесплотным.)

На данный момент существует не так много публикаций Фельдмана: стихи в «Антологии русского верлибра» 1991 года (составитель Карен Джангиров), книга «Миновало», выпущенная посмертно в Ленинграде в 1990 году, книга «Ещё одно имя Богу», выпущенная в Москве в 2020 году, публикация в антологии «Уйти. Остаться. Жить». К первой книге написала предисловие Галина Гампер¹, ко второй предисловие – Евгений Абдуллаев и фундаментальную статью – Данила Давыдов, к публикации в антологии блестящую статью – Ольга Аникина.

Поэт Фельдман – очень эфемерен, его как бы не существует, словно выдумана вся его жизнь. Этим начинается первое стихотворение его книжки «Миновало»:

Миновало, как будто бы не существовало
Вовек тех дней и бед,
Без которых и радость ничто,
и нет никого, чтобы нас утешить.

В другом стихотворении – «Несу умершего в себе / поэта» автор говорит о смерти того, кто даже не родился, то есть о двойном несуществовании.

Очень характерный для эфемерной и бесплотной поэзии Фельдмана образ – птица в разных вариантах. Это имя Бога в стихотворении «Ещё одно имя Богу», давшем название книге: («<...> нужно сказать слову / доброе слово // нужно сказать солнцу / что оно называется / солнцем / птицу птицей назвать / подыскать / еще одно имя Богу»)², и «Крыло праптицы касается небес» – в стихотворении о первобытном мире, и снежинки, сравниваемые с птицами («среброкрылые птахи / уже не тают в руке»). В стихотворении «Ничейная земля» – «птицы не знают / клеток». И дальше: «На этих пальцах не сидела /

¹ Она же обратила внимание на пророчества в его стихах, в частности, в стихотворении «Поезд»: «Запахавшаяся встреча / вот я... вот я... // последнее слово / прямо в ночь / под колеса вагонов // и уходит... / отрезая пейзаж за пейзажем / в туннель расставаний / оставляя обнаженные / рельсы...»

² Тут вспоминается прежде всего Мандельштам:

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди!
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

птица / она жила в них / желанием двигаться»; «весна моей весны... <...> словом – птицею пела»; «Птицы ласково в небе кружат. // Грусть вплетается в это кружево // <...> Солнце скромно в тучах ютится // На прощанье запела птица. // Ее песня нежна до грусти»³.

Грусть, кстати, тоже является сквозной темой у Михаила Фельдмана. Но основная мелодия, образ и смысл его творчества – смерть. Рассмотрим очень характерное для автора стихотворение:

Хорошо, что не успел спрятать
руки
виноваты поспешные
нетерпеливо сильные
иначе не стоило бы жить
иначе битву я проиграл бы
От предплечья
до запястья боль
На этих пальцах не сидела
птица
она жила в них
желаньем двигаться
так чтобы на ощупь увидеть землю
По самый локоть
увязли руки в глине
терзают мнут ее
так сильно что ногти
впиваются в мякоть ладони
Линия смерти перечеркнута
словно танк на детском рисунке
Мой пейзаж рука
с линиями прерывистыми
как путь по минному полю
Горизонт. На линии горизонта
не горы и не долины
скорбное изваяние Ники
Под ним прах твоих рук
что не обнимут
не прикроют крик мой.
Деревья без веток и без коры.
грусть без эмоций просто грусть
Обнаженные мускулы
пульс обнаженной линии жизни
Иначе не стоило жить
Иначе я проиграл бы битву

Это линия высокого напряжения.

Здесь почти нет описания. И почти нет действия – только созерцание и мысли о действии. Обращается автор тоже непонятно к кому: то ли к себе самому, то ли к возлюбленной, то ли к матери, то ли к Богу (так же, как стихотворение Лермонтова «За все, за все Тебя благодарю я» – обращено не к женщине, как может показаться, а к

³ Из кн. «Миновало», с. 11

Создателю). Герой стихотворения, лепящий из глины – и безвольная игрушка в чужих руках, и демиург, создающий другую реальность, как Господь создал человека из глины.

Стихи Фельдмана бесплотны, элементы природы, люди и стихийные явления у него не наделены характеристиками – безымянные птицы, неизвестные растения, неатрибутированные географические объекты – просто море, просто лес, просто улица – без названия. Все это – как бы несуществующее в реальности, как элементы разрушенной мозаики, словно детали сна. Это связано и с сознательным отказом назвать – а значит, создать мир вокруг («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»). Нет у поэта отсылок к реалиям эпохи, нет ощущения укорененности во времени и пространстве. Практически нет описаний, и потому очень мало прилагательных. Он и сам себя чувствует бестелесным:

ведь надо ж наконец
решить
Кому принадлежит она
Теловозжелавшая
из ада-рая сбежавшая
бессмертие променявшая
на эту жизнь

(«Эта душа не имеет тела»)⁴

Больше всего у автора существительных и глаголов, то есть голого бездетального действия. Стихи Фельдмана напоминают также рваный блюз, блюз с сорванным ритмом.

Единственное исключение, когда слово обрастает новыми, невиданными смыслами, а в бескровное существование врываются краски, звуки и запахи конкретными географическими названиями и деталями, – стихи поэта о Грузии. Это было отмечено и Ольгой Аникиной, говорившей о связанной с Грузией темой воскрешения.

Грузия для поэта – некий рай, осмысленность, пробуждение из сна в жизнь, и потому в стихах о Грузии – стряхивание с себя марева, и жизнь, идущая войной на смерть и вытесняющая, отталкивающая ее. Впрочем, у грузинской темы в русской поэзии – очень богатая и всем известная традиция – это и культурные связи, и убегание многих поэтов – Пастернака, Мандельштама и прочих – в грузинские переводы в эпоху, когда поэты утратили право собственного высказывания, и вечное радование жизни и свободе, свойственное грузинам («Грузия вдруг стала похожей на девушку, задремавшую в летний полдень»).

Я забыл
откуда я родом и кто я
захотелось стать сыном
земли этой древней

В стихотворении «Грузинская речь» Фельдман переворачивает, выворачивает наизнанку сюжет о запретном плоде: вкусивший его, узнавший грузинскую речь, переносится из стеклянного прозрачного, ледяного ада-мороза в цветной и звучащий, чувственный рай.

Говорили они
слова были для меня закрытыми
как запертый сад

⁴ Из кн. «Миновало», с. 18.

С моего языка
сочилась зависть

Тогда один из них
сорвал и протянул мне
плод неизвестный

Мякоть плода сочилась соком
сладость и свежесть
наполнили горло

А ожиданье сменилось улыбкой
произнесённой зубами языком
словами о незнакомом вкусе

Здесь бесплотное обретает вкус, и возникают синэстетические ощущения, что вообще не свойственно для бесстрастного и бесплотного Фельдмана. Но даже и тут – плод – безмянный. Фельдман отказывается называть, воплощать, создавать этот мир, даже максимально приблизившись к такой возможности.

Есть поэты-визуалы (Пастернак), поэты-аудиалы (Лорка), поэты-синэстетики (Мандельштам), поэты-мыслители (Вячеслав Иванов). Фельдман – поэт-сновидец. Он жил, не просыпаясь, и умер, не проснувшись.